

Ной Гордон — лауреат многочисленных литературных премий, включая *James Fenimore Cooper Prize* и *Golden Pen Award*, автор 8 международных бестселлеров. Армия поклонников его исторических романов неуклонно растет и уже перешагнула за отметку в 10 миллионов. Его роман «Лекарь» признан одной из «десяти самых любимых книг всех времен», по популярности он обошел даже «Алхимика» Пауло Коэльо. Переведенный на 33 языка, «Лекарь» был успешно экранизирован.

Интересные персонажи, обилие событий и исторических деталей.

Inside Flap

Захватывающая книга.

Times

АНГЛИЯ • ФРАНЦИЯ • БОГЕМИЯ • ВЕНГРИЯ

Бедного сироту ничто не может удержать на родине с тех пор, как он открыл в себе дар исцелять! Но в медицинскую академию, ради которой он проделал нелегкий путь, не брали христиан. И за право учиться у Авиценны ему пришлось дорого заплатить: заставить замолчать в себе голос веры... и голос любви! А впереди его ждет полная опасностей дорога в далекую и загадочную страну, тайны Востока и откровения мудрецов, и, быть может, он снова увидит ее...

ВИЗАНТИЯ • ПЕРСИЯ • ИНДИЯ • АНГЛИЯ

• ШОТЛАНДИЯ •

• БОЛГАРИЯ •

ЛЕКАРЬ

УЧЕНИК АВИЦЕННЫ

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-4529-7

9 786171 245297

НОЙ ГОРДОН

Он жил,
чтобы спасти
других...

ЛЕКАРЬ

УЧЕНИК АВИЦЕННЫ

НОЙ
ГОРДОН

NOAH
GORDON

ЛЕКАРЬ

УЧЕНИК АВИЦЕННЫ

THE PHYSICIAN

УДК 821.111
Г68

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Переведено по изданию:
Gordon N. The Physician : A Novel / Noah Gordon. —
Little, Brown Book Group, 1986. — 720 p.

Перевод с английского *Владимира Полякова*

Художник *Андрей Печенежский*

ISBN 978-617-12-4529-7
ISBN 978-0-7515-0389-0 (англ.)

- © Noah Gordon, 1986
- © UFA Cinema, Degeto Film, Beta Cinema, обложка, 2013
- © Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2011, 2013, 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод, 2011
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перед вами — удивительная книга. Хотя действие происходит в средневековые времена, в ней нет умопомрачительных погонь, захватывающих поединков и хитроумных дворцовых интриг. Книга довольно велика по объему, но в ней нет ничего лишнего: каждая деталь, мелочь, чуть ли не всякая реплика занимают свое место и рано или поздно сыграют свою роль в повествовании. Так принято в хороших детективах, однако эта книга — вовсе не детектив. Это исторический роман, в котором реальными историческими лицами являются лишь два персонажа да еще несколько монархов, упомянутых вскользь, скорее для создания надежного исторического фона.

На наш взгляд, потрясающий успех романа во многом связан с личностью его создателя. Перу американца Ноя Гордона, внука эмигрантов из царской России, принадлежит около десяти книг, каждая из которых заслужила внимание многочисленных читателей, запомнилась, вызвала интерес и благосклонные отклики строгих критиков.

В 1944 году Ноя, выходец из рабочей семьи, призвали в американскую армию. Повоевать он не успел, но получил льготы ветерана войны, в том числе право на государственную субсидию для обучения в университете. Родители хотели, чтобы сын стал врачом и имел гарантированный доход, однако сам Ной, познакомившись поближе

с медициной, предпочел журналистику. Вместе с тем он на всю жизнь сохранил любовь к медицине и глубокое уважение к медикам. Впоследствии несколько десятков лет проработал редактором в различных журналах по медицине и биологии. Литературное творчество стало чем-то вроде хобби, и все романы писателя, как исторические, так и связанные с современностью, повествуют исключительно о врачах. Владя определенными профессиональными знаниями, хорошо зная «внутреннюю кухню» медицины, писатель смог достоверно, убедительно, а главное, увлекательно, рассказывать о судьбах своих героев, влюбленных в дело, которому они посвятили всю жизнь.

Работа над романом «Лекарь. Ученик Авиценны» заняла у Н. Гордона около пяти лет: избранная им тема требовала не только познаний в медицине, но и обширных сведений по истории Англии и средневекового Востока, знания некоторых специфических вопросов христианского, иудейского и мусульманского богословия, древних обычаев и традиций нескольких народов. Ведь чтобы сделать живыми людьми героев, живших тысячу лет назад, необходимо было погрузиться в тогдашнее мировоззрение и быт, изучить множество деталей, вплоть до одежды и кулинарных рецептов. Нельзя не признать, что с поставленной задачей автор справился блестяще. Персонажи, созданные его богатой фантазией, живут в реальной обстановке, мыслят и действуют сообразно духу своего века — и в то же время становятся очень близкими нам, современным читателям, ибо решают жизненные вопросы, актуальные для людей любой эпохи: любовь и верность, дружба и предательство, упорство в достижении цели, тяга к знанию и воинствующее невежество, преданность своему делу и забота о семье... И при всем том персонажи романа не превращаются в иллюстрации, они остаются живыми людьми, в чем-то очень похожими на нас сегодняшних.

В Европе роман был встречен с восторгом, завоевал громадную читательскую аудиторию, удостоился ряда премий, а немецкие продюсеры купили права на его экранизацию. Поскольку наша страна расположена на перекрестке путей с Востока в Западную Европу, хочется верить, что нашим читателям обязательно полюбитесь замечательный роман Ноя Гордона.

*С любовью моей Нине,
которая подарила мне Лоррен*

Бога бойся, храни его заветы,
Ибо это каждому подобает.

Екклесиаст, гл. 12, ст. 13

Славлю Тебя, ибо я дивно устроен.

Псалом 138, ст. 14

Что же до мертвых, то Аллах их воскресит.

Коран, сура 6, аят 36¹

Не здоровые имеют нужду во враче, но больные.

Евангелие от Матфея, гл. 9, ст. 12

---

¹ Ср. русский перевод этого аята (стиха) И. Ю. Крачковского: «...те, которые не слышат тебя сердцем, не принимают твоего призыва, ибо мертвы их сердца, и сами они, как мертвые. Аллах воскресит их в Судный день, и будут они к Нему возвращены, и Он спросит с них за то, что они делали». (*Здесь и далее примеч. пер.*)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ УЧЕНИК ЦИРЮЛЬНИКА

1

Дьявол в Лондоне

Для Роба Джея то были последние мгновения детской беззаботности и благословенного душевного покоя, но в неведении своем он считал великим несчастьем, что его заставили сидеть дома с братьями и сестрой. Весна только-только начиналась, солнце стояло еще низко, посылая робкие теплые лучики под застреху соломенной крыши, и Роб, нежась в этих лучах, растянулся во весь рост у двери, на грубо отесанном каменном крыльце. По худо замощенной улице Плотников с трудом пробиралась какая-то женщина. Не грех было бы отремонтировать и дорогу, и большую часть ветхих дощатых домиков, где ютились работный люд: эти хижины на скорую руку сооружались умельцами, которые зарабатывали себе на хлеб возведением крепких хором для тех, кто поудачливее, побогаче.

Роб лушил ранний горох, целую корзину, стараясь в то же время приглядывать за малышами — в отсутствие мамы эта

обязанность лежала на нем. Вильям Стюарт, шести лет от роду, и Анна-Мария, которой было четыре, копались в грязи у торца дома и, заливаясь смехом, играли во что-то, понятное только им самим. Джонатан Картер, которому исполнилось полтора годика, лежал на овчине, пускал пузыри и гукал от удовольствия. А семилетний Сэмюэл Эдвард, который должен был помогать Робу, уже успел ускользнуть. Находчивому Сэмюэлу вечно удавалось незаметно исчезнуть вместо того, чтобы помогать старшим, и теперь Роб старался высмотреть беглеца. Подражая матери, Роб расщеплял нижний конец зеленых стручков и большим пальцем выцарапывал из их гладкого нутра горошины; он не прекратил работу и тогда, когда заметил, что шедшая по улице женщина направляется прямо к нему.

Мясистое лицо женщины было ярко размалевано, а туго затянутый корсаж так высоко поднимал ее грудь, что время от времени при ходьбе выглядывал нарумяненный сосок. Робу было всего девять лет, но лондонские дети отличали продажных женщин с первого взгляда.

— Ну вот, добралась. Это дом Натанаэля Коля?

Роб неприязненно разглядывал ее: уже не в первый раз блудницы приходили к их порогу и спрашивали отца.

— Кто это спрашивает? — грубо отозвался он, радуясь тому, что отца нет дома — он ушел искать работу, эта женщина его не застала, и еще радуясь, что мать ушла относить шитье, значит, не попадет в неловкое положение.

— В нем нуждается его жена. Это она меня послала сюда.

— *Нуждается?* Что ты хочешь этим сказать? — Проворные руки мальчика перестали лущить горох.

Блудница посмотрела на него недоброжелательно: в его тоне и обращении она почувствовала презрение.

— Она тебе мать?

Он молча кивнул.

— У нее начались тяжелые роды. Она в конюшнях Эгльстана, недалеко от пристани Пуддл-Док. Так что лучше разыщи отца да скажи ему. — И с тем женщина ушла прочь.

Мальчик растерянно огляделся.

— Сэмюэл! — громко позвал он, но противный Сэмюэл не спешил возвращаться. Робу пришлось оторвать от игры Вильяма и Анну-Марию.

— Пригляди за малышами, Виль, — велел он, вышел из дому и припустил бегом по улице.

Люди, достойные доверия, утверждали, что в лето от Рождества Христова 1021-е — тот самый год, когда Агнесса Коль зачала в восьмой раз, — козни сатаны были особенно сильны. В тот год на многих людей обрушились несчастья, а в природе творились вещи удивительные и вселяющие страх. Прошлой осенью весь урожай на полях погубили жестокие морозы, даже реки покрылись льдом. Потом пошли дожди, каких еще не видали, а с оттепелью, наставшей как-то сразу, вверх по Темзе хлынула приливная волна, смывая и мосты, и дома. Ветренные зимние ночи озарялись огоньками падающих звезд, даже комету видели на небе. В феврале сама земля заметно содрогнулась. Молния отбила голову у распятия, и люди шептались, что Христос и все его святые уснули. Ходили слухи, что из одного источника целых три дня лилась кровь, а те, кто приходил издалека, рассказывали, что в дремучих лесах и иных потаенных местах появлялся сам дьявол.

Агнесса велела своему старшему сыну не больно прислушиваться к тому, что болтают люди. А потом с беспокойством добавила: ежели он увидит или услышит что-нибудь необычное, пусть обязательно осенит себя крестным знамением.

В том году люди возроптали на Бога, ибо гибель прошлогоднего урожая принесла им тяжкие лишения. Натанаэль вот уж больше четырех месяцев не приносил в дом ни гроша и жил только тем, что зарабатывала своим умением жена, искусная вышивальщица.

Давно, когда они только поженились, Агнесса и Натанаэль души друг в друге не чаяли, а в счастливом грядущем не сомне-

вались: муж рассчитывал разбогатеть на строительных подрядах. Но цех плотников не спешил посвящать работников в мастера. Старейшины, от которых это зависело, так придирчиво изучали каждый предложенный их вниманию соискателем набросок нового дома, как будто вся эта работа предназначалась для самого короля, не иначе. Шесть лет проходил Натанаэль в учениках плотника, вдвое дольше в подмастерьях. Вот теперь уже мог бы претендовать и на звание мастера-плотника, которое давало право брать подряды на строительные работы. Но для того, чтобы стать мастером, нужны немалые усилия и хороший заработок в добрые времена, а сейчас Натанаэль даже на попытку не отваживался.

Их жизнь по-прежнему вращалась в пределах цеха, но теперь и сама гильдия плотников города Лондона отвернулась от них — каждое утро Натанаэль являлся к цеховому старосте и слышал одно и то же: работы нет. Вместе с другими бедолагами он искал спасения в напитке, который между собой они звали пойлом: кто-нибудь из плотников приносил меду, другой — щепотку пряностей, а уж кувшин вина в цехе всегда можно было найти.

Жены других плотников рассказывали Агнессе, что частенько кто-нибудь из бражников приводил с улицы женщину и безработные мужья в пьяном угаре ложились с ней по очереди.

Несмотря на все неудачи, Агнесса не могла оттолкнуть Натанаэля: слишком она любила плотские утехи. Благодаря мужу она всегда ходила с животом, ибо не успевала родить одного ребенка, как муж тут же старательно наполнял ее утробу другим, а когда ей подходило время разрешиться от бремени, старался не показываться дома. Жизнь семьи протекала в точности так, как сурово предсказывал отец Агнессы, когда она, уже зачав Роба, вышла замуж за молодого плотника — тот некоторое время назад пришел в Уотфорд строить вместе со своими товарищами новый амбар соседу Агнессы. Отец порицал грамоту, которой обучилась Агнесса, — книги, говорил он, увлекают женщину ко греху любожительства.

У отца ее был небольшой надел земли, полученный от Этельреда Уэссекского¹ в благодарность за военную службу. Первым из семейства Кемпов он стал йоменом². Уолтер Кемп отправил дочь учиться грамоте в надежде выдать ее замуж за богатого землевладельца: хозяева больших поместий предпочитали иметь под рукой надежного человека, который умел читать и считать, отчего же не быть таким человеком хозяйской жене? То, что дочь выбрала человека низкого происхождения, да еще и распутничала с ним, огорчило и рассердило Уолтера. И ведь он, бедняга, даже не смог лишить ее наследства: после его смерти маленькое хозяйство забрали за недоимки в казну короля.

Честолюбивые мечты отца, однако, наложили отпечаток на всю жизнь Агнессы. Самой счастливой порой в ее памяти так и остались те пять детских лет, которые она провела в женском монастыре, обучаясь грамоте. Монахини носили алые башмаки, бело-фиолетовые рясы и невесомые, словно облако, покрывала. Они научили девочку читать и писать, понимать те немногие латинские слова, которые встречаются в катехизисе, кроить материю и шить так, чтобы швы оставались совершенно незаметными, а еще — изготавливать богато расшитые золотом украшения для риз. Последнее было таким тонким делом, что его ценили даже во Франции, где так и называли: «английская работа».

И та «дурость», которой научили Агнессу монахини, теперь давала пищу ее семье.

Сегодня утром она долго думала, идти ли относить заказчику шитье для риз. Она уже была на сносях, чувствовала, как ее разнесло, как трудно дается каждый шаг. Но кладовые в доме почти опустели, надо бы сходить на рынок Биллинггейт, купить муки белой и серой, а для этого ей необходимы деньги, которые обещал уплатить за вышивку купец, возивший товар

¹ Этельред II Неразумный (968—1016), англосаксонский король Англии в 978—1013 и в 1014—1016 гг., из Уэссекской династии. После его смерти Англией на протяжении 26 лет правили датчане.

² Йомены — в средневековой Англии: свободные земледельцы, имевшие привилегию служить в королевской армии и носить оружие.

во Францию. Жил он в Саутурке, на другом берегу реки. И Агнесса, неся в руке узелок с работой, медленно побрела по улице Темзы в направлении Лондонского моста.

Улица Темзы, как всегда, была запружена выючными животными и грузчиками, которые сновали с тюками между похожими на пещеры складами и лесом мачт у причалов. Она жадно впитывала шум города, как впитывает струи дождя иссохшая земля. Хотя им и жилось нелегко, Агнесса все же была признательна Натаналю за то, что он увез ее из сельского домика в Уотфорде.

Она так любила этот большой город, Лондон!

— Ах, сукин ты сын! А ну-ка возвращайся и верни мне деньги! Деньги мне назад неси! — вопила разъяренная женщина кому-то, кого Агнесса не видела.

А вокруг клубки смеха обвивались лентами слов на языках заморских земель. Проклятия звучали так, будто горячие благословения.

Она прошла мимо одетых в отрепья рабов, втаскивавших железные чушки на борт готовившихся отплыть кораблей. Собаки злобно лаяли на этих несчастных, изнывавших под непосильной ношей; на бритых головах рабов сверкали бисеринки пота. Агнесса ощутила чесночный дух от их невымытых тел, вонь металла, а затем — куда более приятные ароматы, шедшие от тележки продавца пирогов с мясом. У Агнессы потекли слюнки, но в кармане у нее оставалась одна-единственная, последняя монетка, а дома ждали голодные ребятишки.

— Пирожки сладкие, как грех! — выкрикивал торговец. — С пылу, с жару!

От причалов шел крепкий дух разогретейшей на солнце сосновой смолы и просмоленных корабельных канатов. На ходу Агнесса почувствовала, как шевелится ребенок, плавающий в заключенном между ее бедер океане, и прижала руку к животу. На углу столпились матросы в украшенных цветами шапках — они залихватски пели, а трое музыкантов наигрывали мотив на дудке, барабане и арфе. Проходя мимо них, Агнесса обратила внимание на мужчину, облокотившегося на странного вида повоз-

ку, расписанную знаками зодиака. На вид ему можно было дать лет сорок. Волосы и борода были темно-русыми, но понемногу он начинал лысеть. Черты лица приятные — не будь он таким толстым, смотрелся бы краше Натанаэля. Лицо у него было багровое, а чрево далеко выдавалось вперед, не уступая животу беременной Агнессы. И все же его тучность не отталкивала, а напротив, обезоруживала и привлекала. Она как бы говорила всем, кто его видел: вот человек общительный и миролюбивый, любящий жизнь со всеми ее радостями. Голубые глаза его искрились в лад с улыбкой на устах.

— Красивая дама. Хочешь быть моей, куколка? — проговорил он. Агнесса, невольно вздрогнув, оглянулась в поисках той, к кому он обращался, но поблизости никого не оказалось.

— Ха! — Вообще-то Агнесса могла одним взглядом заморозить наглеца и довести его до дрожи, но она не лишена была чувства юмора и ценила его в других, а у этого мужчины юмор явно бил через край.

— Мы рождены друг для друга. Я готов умереть за тебя, благородная госпожа, — с жаром закричал он ей вслед.

— Нет нужды. Христос уже это сделал, сэра, — отвечала Агнесса.

Она вскинула голову, развернула плечи и удалилась, соблазнительно покачивая бедрами, неся впереди невероятно огромный живот, заключавший младенца, и расхохоталась вместе с незнакомцем.

Уже давным-давно никто не делал комплиментов ее женственности, даже в шутку, и этот нелепый обмен любезностями привел ее в хорошее расположение духа, пока она шла и шла по улице Темзы. Все еще улыбаясь, она подходила к пристани Пуддл-Док, когда ощутила начало схваток.

— Богородице, помилуй, — прошептала Агнесса.

Боль резанула ее снова. Начинаясь в животе, боль овладевала всем ее телом и разумом, даже ноги не держали. Не успела она опуститься на мостовую посреди улицы, как стали обильно отходить воды.

— На помощь! — закричала Агнесса. — Помогите, кто-нибудь!

Тут же собралась падкая до любых зрелищ толпа лондонцев, Агнессу тесно обступили их ноги. Затуманенными от боли глазами она увидела кружок глазевших на нее сверху лиц.

Агнесса громко застонала.

— Эй вы, негодяи, расступитесь, — прорычал какой-то ломовой извозчик. — Ей же дышать из-за вас нечем! И не мешайте людям честно зарабатывать свой кусок хлеба, унесите ее с улицы, чтобы телегам было где проезжать.

Ее внесли в темноту и прохладу, сильно пахнувшую навозом. Пока переносили, кто-то умыкнул ее узелок с готовым шитьем. В темной глубине помещения двигались и колебались чьи-то огромные фигуры. Громко стукнуло о доску копыто, слышалось залиvistое ржание.

— Ну, что это? Послушайте, нельзя же нести ее сюда, — раздался чей-то ворчливый голос. То был суетливый коротышка, пузатый, со щербатым ртом. Увидев его сапоги и шапку, какие обыкновенно носят конюхи, Агнесса узнала в нем Джеффа Эгльстана и поняла, что находится в одной из принадлежащих ему конюшен. Больше года назад Натанаэль подновлял здесь некоторые стойла, и Агнесса ухватилась за это воспоминание.

— Мастер¹ Эгльстан, — слабым голосом проговорила она, — я Агнесса Коль, жена хорошо известного вам плотника.

По лицу она догадалась, что он узнал ее, пусть и без всякой охоты, и с сожалением понял, что Агнессу отсюда выставить нельзя.

За спиной хозяина конюшен уже столпились люди, в глазах которых светилось любопытство.

— Прошу вас, — лоя ртом воздух, проговорила Агнесса, — не будет ли кто-нибудь так любезен позвать сюда моего мужа?

---

¹ Мастер — в средневековой Англии: обращение к состоятельным ремесленникам, купцам и незнатным дворянам.

— Я не могу оставить конюшни без присмотра, — пробормотал Эгльстан. — Пусть кто-нибудь другой идет.

Все стояли и молчали.

Агнесса полезла в карман и вытащила монетку.

— Прошу вас, — повторила она и подняла монетку повыше.

— Я исполню свой долг христианки, — сразу же отозвалась женщина, по виду явно из гулящих. Пальцами, как когтями, она вцепилась в монетку.

Боль стала невыносимой, и это была еще не известная ей боль, не такая, как обычно. Она привыкла к резким сокращениям. После первых двух родов последующие у нее протекали тяжелее, но терпимо, и родовые пути стали свободнее. Перед рождением Анны-Марии и сразу после у нее случились выкидыши, однако и Джонатан, и следующий мальчик покинули ее тело легко после отхода вод, как выскальзывают из пальцев гладкие зернышки. За все пять родов она не испытывала ничего похожего на то, что происходило сейчас.

«Святая Агнесса, — безмолвно воззвала она. — Святая Агнесса, помогающая овечкам, помоги мне!»

Во время родов она неизменно молилась святой, в честь которой была наречена, и святая Агнесса ей помогала, но на этот раз ее окружила сплошная невыносимая боль, а младенец в утробе казался огромной пробкой.

Наконец ее громкие вопли привлекли внимание проходившей мимо повитухи, старой карги, к тому же изрядно выпившей, и та с проклятьями выдворила из конюшни ротозеев. Вернувшись, она с отвращением осмотрела Агнессу.

— Чертовы мужики положили тебя прямо в дерьмо, — пробормотала она. Но передвинуть роженицу было просто некуда. Старуха задрала Агнессе юбки выше пояса и разрешила исподнее, потом руками разгребла навоз на полу, освобождая место для младенца, рвущегося на свет, и вытерла руки о грязный передник.

Из кармана она вынула пузырек со свиным жиром, потемневшим от крови других рожениц. Выцарапав немного тошно-

творного жира, смазала себе руки такими движениями, словно мыла их, потом запустила два пальца, три, наконец и всю руку в расширившееся отверстие женщины, которая теперь уже выла, как животное.

— Тебе придется вдвое больше, мистрис¹, — сделала вывод повитуха через пару минут, смазывая руки уже по самые локти. — Этот негодник мог бы укунить себя за пятки, если б ему вздумалось. Он выходит попой вперед.

2

Семья и цех

Итак, Роб пустился бегом в направлении пристани Пуддл-Док. На бегу до него дошло, что надо отыскать отца, и он повернул в сторону дома, где заседали старейшины цеха плотников, — всякий ребенок из принадлежащей к цеху семьи так и поступал, если требовалась помощь.

Лондонская гильдия плотников помещалась в конце улицы Плотников, в старой мазанке — строении из столбов, перевязанных ветками и ивовыми прутьями, покрытом известью; каждые три-четыре года непрочный домик приходилось основательно подновлять. В просторном помещении цехового совета, за изготовленными самими старейшинами грубыми столами сидели на таких же грубых стульях человек десять-двенадцать в кожаных дублетах, с поясами для свойственных профессии инструментов. Мальчик узнал кое-кого из соседей, а также членов десятка, в который входил отец, но самого Натанаэля не обнаружил.

Для лондонских столяров и плотников цех был всем сразу: он давал работу, оказывал помощь больным и инвалидам, хоронил умерших, заботился о стариках, поддерживал тех, кто временно не имел работы; цех разрешал споры, пристраивал сирот в семье, помогал найти заказы; он имел и немалый моральный авторитет, и политический вес. Это было четко организованное

---

¹ Женский вариант обращения «мастер».

общество, состоявшее из четырех частей — сотен. В каждой сотне насчитывалось десять десятков, и в каждом десятке люди были тесно спаяны между собой. И лишь если человек выбывал из десятка: умирал, тяжело и надолго заболел, уезжал в другие края, — лишь тогда на его место принимали в цех нового ученика, обычно из числа ожидающих своей очереди сыновей других членов цеха. Слово старосты цеха было столь же непререкаемым, как и королевский указ, и именно к этому человеку, Ричарду Бьюкерелу, примчался теперь Роб.

Бьюкерел всегда сутулился, словно груз ответственности неотступно давил на его плечи. Все у него было каким-то темным: волосы черные, глаза цвета старой дубовой коры; узкие штаны, рубаха и дублет из грубой шерсти, окрашенной в кипятке с ореховой скорлупой, а кожа, загоревшая под солнцем на строительстве доброй тысячи домов, казалась дубленой. И ходил, и думал, и говорил он неторопливо. Роба выслушал очень внимательно.

— Натанаэля здесь нет, сынок.

— А не знаете ли, где его можно отыскать, мастер Бьюкерел? Тот помолчал в нерешительности.

— Извини-ка меня, будь любезен, — сказал он по размышлении и пошел к группе тесно сидевших мужчин.

До ушей Роба долетали только отдельные слова и шепот, которым произносились фразы.

— Неужто он с *той самой* шлюхой? — пробормотал Бьюкерел.

— Мы знаем, где можно найти твоего отца, — сказал староста цеха, вернувшись к Робу через минуту. — Ты поспеши к своей матушке, сынок. А мы тебя скоро догоним и приведем с собой Натанаэля.

Роб скороговоркой поблагодарил его и помчался дальше.

Он не останавливался передохнуть ни на минуту. Уворачиваясь от тяжело груженных повозок, обегая стороной пьяниц, проскальзывая сквозь толпы лондонцев, он мчался к Пуддл-Доку. На полдороги он увидел своего врага, Энтони Тайта, с которым за последний год трижды жестоко дрался. Энтони вместе

с парочкой приятелей, вечно околачивающихся на пристани, изводил насмешками рабов, занятых на погрузке кораблей.

«Времени у меня сейчас на тебя нет, треска сушеная, — подумал Роб. — Только попробуй тронуть меня, гад ползучий, — и я тебя вздую как следует».

Так, как собирался в один прекрасный день вздуть своего чертова папашу.

Увидел, как один из прихлебателей показывает Энтони на него пальцем, но пробежал мимо и понесся дальше.

Совершенно задыхаясь, с колотьем в боку, он добежал до конюшен Эгльстана как раз в ту минуту, когда незнакомая старуха пеленала новорожденного младенца.

Конюшню наполняли тяжелые запахи конского навоза и крови его матери. Мама лежала на полу. Глаза закрыты, в лице ни кровинки. Роба удивило, какая она маленькая.

— Мама!

— Ты сын?

Он кивнул, не в силах говорить, только тощая грудь тяжело вздымалась.

— Не мешай ей отдыхать, — сказала ему старуха, отхаркавшись и сплюнув на пол.

Когда появился отец, на Роба он и не взглянул. В телеге, высланной сеном (Бьюкерел взял ее у одного работника), они отвезли домой маму вместе с новорожденным — мальчиком, которому предстояло получить имя Роджер Кемп Коль.

Всякий раз, родив очередного ребенка, мама весело и гордо показывала новорожденного остальным своим детям, но сейчас она молча лежала, глядя в потолок.

В конце концов Натанаэль позвал соседку, вдову Харгривс.

— Она даже грудь малышу дать не может, — пожаловался он.

— Может, это и пройдет, — успокоила его Делла Харгривс.

Она знала одну кормилицу и унесла малыша, к великому облегчению Роба. Он всеми силами, как умел, заботился об остальных четверых. Джонатана Картера уже успели приучить к горшку,

но, оказавшись без материнского глаза, он, кажется, начисто об этом позабыл.

Отец не отлучался из дому. Роб мало с ним говорил и старался не попадаться ему под руку.

Он скучал по урокам, которые проходили каждое утро: мама умела превратить их в увлекательную игру. Роб не знал ни единой живой души, у которой было бы столько внутреннего тепла, столько любви и задора, столько терпения, если он не сразу запоминал урок.

Сэмюэлу Роб поручил гулять с Вилем и Анной-Марией, не допуская их без надобности в дом. В тот вечер Анна-Мария горько плакала — она хотела услышать колыбельную. Роб обнял ее, назвал милой барышней Анной-Марией — девочка больше всего любила, когда ее так называли. Наконец, он спел сестренке песенку о миленьких кроликах и пушистых птенчиках, которые спят в гнездышке (радуясь при этом, что его не слышит Энтони Тайт). У сестры щечки были круглее, а кожа более нежная, чем у матери, хотя мама всегда говорила, что Анна-Мария пошла вся в Кемпов, даже ротик во сне открывает так же.

На следующий день мама выглядела получше, но отец сказал, что щеки у нее порозовели от жара. Маму била дрожь, и они укрыли ее одеялами.

На третье утро, когда Роб поил маму водой, его поразило, каким жаром пышет ее лицо.

— Мой Роб, — прошептала она и погладила руку сына. — Ты стал настоящим мужчиной. — Она тяжело дышала, изо рта шел неприятный запах.

Когда он взял мать за руку, что-то перешло из ее тела в его разум. То было знание: мальчик абсолютно ясно понял, что должно с нею произойти. Он не мог заплакать. И закричать тоже не мог. Волосы зашевелились у него на затылке. Роб ощутил ужас и больше ничего. Он не в силах ничем ей помочь, если б даже был взрослым.

Пораженный ужасом, он слишком крепко сжал мамину руку, ей стало больно. Отец заметил и наградил его подзатыльником.

На следующее утро, когда Роб проснулся, его мать уже умерла.

Натанаэль Коль сидел и рыдал, и это очень напугало его детей. Они еще не умели понять, что их мама ушла в лучший мир, но никогда раньше не видели, чтобы отец плакал. Побледневшие, настороженные, дети сбились в кучку.

Обо всем позаботился цех.

Пришли жены плотников. Никто из них не дружил с Агнесой, ибо ее ученость вызывала подозрения. Но теперь женщины простили ей былой грех и подготовили в последний путь. С тех пор Роб на всю жизнь возненавидел запах розмарина. Случись это в добрые времена, мужчины пришли бы вечером, после работы, но теперь работы у многих не было, так что люди стали собираться рано. Пришел Хью Тайт, отец Энтони, очень на него похожий, — он представлял гробовщиков, постоянное сообщество, изготавливавшее гробы для похорон членов гильдии. Похлопал Натанаэля по плечу:

— У меня запасено вдоволь прочных сосновых досок. Остались с прошлого года, когда мы строили таверну Бардуэлла, помнишь, какое было отличное дерево? Твоя Агнесса заслужила такое.

Хью не отличался большим умением, работал на стройках подальше от Лондона, и Роб слышал, как отец с упреком говорил, что Хью и за инструментом не может смотреть, как положено. Сейчас, однако, Натанаэль лишь тупо кивнул и вернулся к выпивке.

На это цех не поспешил, ибо только на похоронах и дозволялись пьянство и обжорство. Помимо яблочного сидра и ячменного эля выставили еще и сладкое пиво, и хмельные меды: мед разбавляли водой и давали настояться шесть недель, чтобы смесь перебродила. Было на столе и «пойло» — неизменный друг плотников, утешавший их в беде. Было вино морат, постоянное на меду и тутовых ягодах, и метеглин — пряная медо-

вуха на целебных травах. Принесли целые связки жареных перепелов и куропаток, множество блюд из печеной и жареной зайчатины и оленины, копченую сельдь, свежую форель и камбалу, большие ячменные лепешки.

Цех собрал со всех своих членов по два пенса для раздачи милостыни во имя блаженной памяти Агнессы Коль. Цех выделил хоругвеносцев, которые возглавили процессию, направившуюся в церковь, и гробокопателей, которые вырыли могилу. В церкви Святого Ботульфа священник Кемптон рассеянно отслужил мессу и препоручил маму заботам Иисуса, а члены цеха пропели два псалма за упокой ее души. Упокоилась она на кладбище при церкви, под молодым тисовым деревом.

Когда возвратились в дом на поминки, женщины уже разогрели и поставили на стол все блюда; не час и не два собравшиеся ели и пили — смерть соседки избавила их на время от забот, сопряженных с нищетой. Вдова Харгривс сидела рядом с детьми и, суетясь, подкладывала им самые лакомые кусочки. Она то и дело прижимала ребятишек к своей полной груди, а они отворачивались и страдали. Но когда Вильяму стало худо, именно Роб отвел его за дом и держал ему голову, пока Виля тошнило. Делла Харгривс после гладила Вильяма по голове и говорила, что это у него от горя. Но Роб-то знал, что она щедро потчевала мальчика своей собственной стряпней, и весь остаток поминок удерживал братьев и сестру от ее тушеного угря.

Роб уже понимал, что такое смерть, и все же ожидал, что мама вот-вот вернется домой. В самой глубине души он не очень-то удивился бы, если бы она открыла дверь и вошла в дом, неся с собой купленную на рынке провизию или деньги, полученные от купца из Саутуорка за свое шитье.

— Начнем урок истории, Роб.

Какие три племени германцев вторглись в Британию в пятом и шестом веках от Рождества Христова?

— Англи, юты и саксы, мама.

— А откуда они пришли, миленький мой?

— Из Германии и Дании. Они покорили британцев, которые жили на восточном побережье, и основали королевства Нортумбрию, Мерсию и Восточную Англию.

— А отчего у меня такой умный сынок?

— Умный, мама?

— Ах! Вот тебе поцелуй от твоей умной мамы. И еще поцелуй — за то, что у тебя умный отец. Никогда не забывай своего отца, он умница...

К огромному удивлению Роба, отец остался дома. Казалось, Натанаэлю очень хочется поговорить с детьми, но у него ничего не получалось. Почти все время он чинил соломенную крышу. Минуло несколько недель после похорон, оцепенение начало понемногу проходить, Роб только стал понимать по-настоящему, насколько теперь изменится его жизнь, как тут отец получил наконец работу.

Берега Темзы в районе Лондона покрыты толстым слоем коричневой глины — вязкого месива, где в изобилии прижились корабельные черви, именуемые древоточцами. Эти черви причиняли большой вред деревянным сооружениям: столетиями они буравили и точили причалы, так что пришлось чинить многие пристани. Работа была тяжелая и грубая, ничуть не похожая на строительство красивых домов, но Натанаэль, задавленный нуждой, и такой был рад.

А на Роба Джея свалились все заботы о доме, хотя готовил он неважно. Частенько Делла Харгривс приносила приготовленные ею блюда или стряпала обед у них в кухне — обычно тогда, когда Натанаэль был дома. Она очень старалась, чтобы от нее хорошо пахло, старалась показать свой добрый нрав и заботу о детях. Эту дородную женщину нельзя было назвать непривлекательной: румяные щеки, высокие скулы, острый подбородок, маленькие пухлые руки, которые она старалась не слишком натрудить. Роб всегда заботился о своих братьях и сестре, но теперь он стал для них единственным источником ласки и заботы, и это ни ему, ни им не очень-то нравилось. Джонатан Картер и Анна-Мария то и дело ревели. Вильям Стюарт растерял весь аппетит, черты лица у не-

го заострились, глаза стали огромными, а Сэмюэл Эдвард потерял всякий стыд: он приносил с улицы разные ругательства, обзывал ими Роба — с таким ликованием, что старший брат ничего иного не мог поделать, кроме как надавать ему затрещин.

Роб пытался поступать так, как — по его представлениям — поступила бы *она* в тех или иных обстоятельствах.

По утрам, когда малыш получал протертую кашку, а остальные запивали чем-нибудь ячменные лепешки, Роб чистил очаг, помещенный под круглым отверстием в крыше (туда выходил дым, а когда шел дождь, оттуда падали на огонь и шипели капли). Золу он выбрасывал за домом, а потом мыл полы, стирал пыль с небогатой мебели во всех трех комнатках. Три раза в неделю он ходил за продуктами на рынок Биллингсгейт и покупал то, что мама приносила домой за один поход раз в неделю. Многие торговцы знали его. Когда он пришел впервые, они выражали свои соболезнования и делали небольшие подарки семье Колей — несколько яблок, кусочек сыра, половинку соленой трески. Но за несколько дней Роб и торговцы привыкли друг к другу, и он торговался с ними горячее, чем мама: пусть не думают, что могут надуть мальчишку. Обратное с рынка он еле тащился, так не хотелось ему принимать от Виля бремя забот о малышах.

Мама хотела, чтобы в этом году Сэмюэл начал школьное ученье. В свое время она спорила с мужем и убедила его, что Робу надо учиться у монахов при церкви Святого Ботульфа, и мальчик каждый день ходил в церковь на протяжении двух лет, пока не пришлось остаться дома, чтобы разгрузить маму, которая должна была много шить. Теперь никто из них не пойдет учиться, ведь отец не умеет ни читать, ни писать, а обучение грамоте считает пустой тратой времени. Роб скучал по ученью. Проходя по шумным кварталам, где тесно жались друг к другу жалкие лачуги, он почти и не вспоминал, что совсем недавно его больше всего заботили глупые ребяческие игры да призрак Тони Тайта, гада ползучего. Энтони со своими прихлебателями видел, как Роб проходит мимо, но не делал попыток погнаться за ним, как будто смерть матери делала его неприкосновенным.

Однажды вечером отец похвалил Роба за его труды.

— Ты всегда был старше, чем тебе по годам положено, — сказал Натанаэль сыну едва ли не с осуждением. Они беспокойно поглядели друг на друга. Говорить больше было не о чем. Если отец и проводил свободное время с продажными женщинами, то Робу ничего об этом не было известно. Он по-прежнему злился на отца, едва вспоминал, как тяжело приходилось трудиться маме, но понимал и другое: Натанаэль сейчас работал изо всех сил, и мама восхищалась бы им.

Роб охотно переложил бы заботы о братьях и сестре на вдову и всякий раз с надеждой смотрел на Деллу Харгривс, когда та приходила к ним, потому что из шуток и перешептываний соседей узнал: она не прочь стать их мачехой. Своих детей у нее не было. Ее мужа, плотника Ланнинга Харгривса, год и три месяца тому назад задавило бревном. Считалось вполне обычным, если в случае смерти женщины, у которой остались малые дети, вдова быстро выходила замуж за вдовца, а потому никого и не удивило, что Натанаэль стал оставаться наедине с Деллой в ее домике. Случалось это, однако, нечасто, потому что он много работал и сильно уставал. Чтобы построить причалы, надо было вытесать из мореного дуба опоры — огромные столбы квадратного сечения, а затем, во время отлива, забить их глубоко в дно реки. Натанаэлю приходилось работать в сырости и холоде. У него, как и у его товарищей по работе, появился постоянный лающий кашель, и он еле добирался до дому. В глубинах вязкого ила на дне Темзы им попадались весточки из прошлого: кожаная римская сандалия с длинными ремешками, которые обвязывали вокруг лодыжки, обломок копья, глиняные черепки. Натанаэль принес домой Робу обработанный кусочек кремня. Этот наконечник стрелы, острый как бритва, нашли на глубине двадцати футов.

— Он римский? — спросил, загоревшись, Роб.

— Может, и саксонский, — пожал плечами отец.

Но несколько дней спустя нашли монету, в происхождении которой сомневаться уже не приходилось. Когда Роб смыл с нее окаменевший пепел, а потом долго-долго тер, на одной стороне

почерневшего маленького диска стали видны слова: *Prima Cohors Britanniae Londonii*¹. Той латыни, которой Роб научился в церкви, тут уж не хватало.

— Быть может, это значит, что первая когорта должна находиться в Лондоне, — размышлял вслух Роб.

На другой стороне был изображен конный римлянин и три буквы: IOX.

— А что значат эти буквы? — спросил отец.

Этого Роб не знал. Мама, наверное, знала, но теперь ему не у кого было спросить, и он отложил монету подальше.

Все в доме уже так привыкли к кашлю отца, что перестали обращать на него внимание. Но вот однажды утром, когда Роб чистил очаг, ему послышался какой-то шум за дверью. Он открыл ее и увидел Хармона Уайтлока, плотника из отцовской ватаги, и с ним двух рабов — Хармон позаимствовал их у грузчиков, чтобы отнести домой Натанаэля.

Рабы ужаснули Роба. В рабство люди попадают по разным причинам. Военнопленный становится *servi*² воина, который мог отобрать у него жизнь, однако же пощадил ее. Свободного человека могут продать в рабство за тяжкие преступления, а равно за долги или за неуплату особенно высокого штрафа или виры³. Вместе с мужчиной рабами становились его жена, дети и все последующие поколения.

Эти рабы были очень рослыми, мускулистыми мужчинами; головы обриты, что указывало на их рабское состояние; одеты в лохмотья, источающие невыносимый смрад. Роб не мог понять: то ли это иноземцы, взятые в плен, то ли англичане. Они ничего не говорили, только равнодушно смотрели на него. Натанаэль не был ни худым, ни низкорослым, однако эти двое несли

¹ Первая британская лондонская когорта (*лат.*). Когорта — подразделение римского легиона.

² Рабом (*лат.*).

³ В Средние века в Европе и на Руси: форма выкупа за пролитую кровь (убийство или тяжкое увечье человека, равного по социальному положению).

его, как пушинку. Вид рабов напугал Роба даже сильнее, чем землистое, без кровинки, лицо отца и то, как бессильно запрокинул он голову, когда его опустили на постель.

— Что случилось?

— Да все эта злосчастная работа. У нас уже половина людей хворает, кашляют да сплевывают поминутно. А он сегодня так ослабел, что свалился сразу, чуть лишь нам пришлось поднапрячься. Ну, думаю, он денек-другой отлежится, а там вернется обратно на пристань.

Назавтра Натанаэль не смог подняться на ноги. И говорить толком не мог, только сипел и кашлял. Мистрис Харгривс принесла горячий отвар, запавленный медом, и не спешила уходить. Они с Натанаэлем тихонько, доверительно о чем-то разговаривали, раз-другой женщина чему-то смеялась. На следующее утро, однако, у Натанаэля начался сильный жар, он не был расположен шутить и любезничать, и Делла надолго не задержалась.

Язык и горло у отца сделались ярко-красными, он то и дело просил воды.

Ночью ему снились кошмары. Один раз он кричал, что по Темзе поднимаются вонючие датчане на своих кораблях с высоко задранными носами¹. В груди kloкотала густая мокрота, а откашляться ему никак не удавалось; дышать становилось все труднее. На рассвете Роб поспешил в соседний дом, за вдовой, но Делла Харгривс не пожелала идти.

— Мне так кажется, у него гнилостная болезнь, а она легко передается, — сказала Делла и захлопнула дверь.

И Роб снова пошел к старейшинам цеха, больше идти все равно было некуда. Ричард Бьюкерел хмуро выслушал его, пошел к ним в дом и долго сидел в ногах у Натанаэля, присматриваясь к его пылающему лицу и прислушиваясь к тому, как kloкочет у того в груди при каждом вздохе.

---

¹ В предшествующие десятилетия датчане ввели с Англии дань, в 1013 г. ненадолго захватили страну, а в описываемый период (с 1016 г.) вся Англия находилась под властью датского короля Кнуда Великого.

БЛАГОДАРНОСТИ

Среди действующих лиц «Лекаря» лишь двое — Ибн Сина и аль-Джузджани — являются реальными историческими личностями. Шах по имени Ала ад-Даула существовал в действительности, но о нем сохранилось так мало сведений, что в романе его характер пришлось создавать по крупницам из того, что известно о целом ряде других персидских царей.

Маристан изображен здесь по описаниям средневековой больницы «Азуди» в Багдаде.

Почти весь колорит и очень многие факты, касающиеся XI столетия, для нас безвозвратно утрачены. И там, где источники не сохранились либо малопонятны, я без колебаний прибегал к своей фантазии. Таким образом, эта книга скорее является плодом воображения автора, чем точным изображением исторических событий, а все ошибки, серьезные или мелкие, допущенные мною из желания правдиво отобразить дух эпохи и различных стран, лежат на моей совести. И все же сам роман никогда не был бы написан, если бы не помощь целого ряда библиотек и отдельных лиц.

Я горячо признателен университету штата Массачусетс в Амхерсте и лично Эдле Хольм, сотруднице его межбиблиотечного абонементов, за то, что мне была предоставлена возможность поль-

зоваться всеми библиотеками этого университета на правах преподавателя.

Ценным источником литературы по медицине и истории медицины стала для меня библиотека им. Ламара Суттера при медицинском центре названного университета в Вустере.

Колледж им. Смита любезно предоставил мне статус «ученого-краеведа», что позволило мне пользоваться библиотекой им. Уильяма Аллана Нельсона, а библиотека им. Вернера Джостена при Центре сценических искусств им. Смита оказалась прекрасным источником деталей, связанных с костюмами давних эпох.

Барбара Заленски, сотрудница библиотеки им. Белдинга в Эшфилде, штат Массачусетс, помогала мне неизменно, сколько бы сил и времени ей ни приходилось затрачивать на поиск той или иной заказанной мною книги.

Кэтлин М. Джонсон, библиотекарь справочно-библиографического отдела библиотеки им. Бейкера при магистратуре факультета делового администрирования Гарвардского университета, прислала мне материалы по истории средневековых монет.

Мне также хочется поблагодарить библиотекарей и библиотеки колледжа им. Амхерста, колледжа Маунт-Холиока, университета им. Брандейса, университета им. Кларка, Медицинскую библиотеку им. Каунтуэя факультета медицины Гарвардского университета, Бостонскую публичную библиотеку и Бостонский библиотечный консорциум.

Доктор ветеринарии Ричард М. Джаковски, специалист по патологии животных в Новоанглийском ветеринарном центре университета им. Тафтса, расположенном в Норт-Графтоне, штат Массачусетс, провел по моей просьбе сравнительное изучение внутреннего анатомического строения свиньи и человека. Аналогичную услугу оказала и доктор философии Сьюзан Л. Карпенгер, научный сотрудник Лаборатории Скалистых гор при Национальном институте здравоохранения в Гамильтоне, штат Монтана.

В течение нескольких лет я получал ответы на возникавшие у меня многочисленные вопросы по иудаизму у раввина Луиса А. Ризера из Храма Израиля в Гринфилде, штат Массачусетс.

Раввин Филип Каплан из Объединения синагог Бостона объяснил мне в подробностях, как производится кошерный забой животных.

Магистратура географического факультета университета им. Кларка снабдила меня картами и сведениями по географии мира в XI веке.

Преподаватели кафедры классических языков колледжа Святого Креста в Вустере, штат Массачусетс, оказали мне содействие в переводах с латыни.

Роберт Рулофф, кузнец из города Эшфилда, штат Массачусетс, просветил меня насчет индийской синей узорчатой стали и познакомил с профессиональным журналом по кузнечному делу — «Энвил ринг».

Гувнер Фелпс из Эшфилда рассказал, как в Шотландии ловят лосося.

Патрисия Шартл Майрер, мой бывший литагент (ныне она на пенсии), неизменно меня подбадривала, как и нынешний литагент, Юджин Х. Виник из компании «Макинтош энд Отис, инкорпорейтед». Именно Пэт Майрер предложила, чтобы я написал о династии медиков, в которой профессия передавалась от отца к сыну на протяжении многих поколений, и это предложение подвигло меня на написание продолжения «Лекаря» — книги, которая сейчас находится в работе.

Идеальным редактором — жестким и требовательным, любезным и всегда готовым помочь — оказался Герман Голлоб из издательства «Саймон энд Шустер». Благодаря ему публикация этой книги многому меня научила.

Лайз Гордон помогла с литературной редакцией рукописи, а также оказала мне большую дружескую моральную поддержку, наряду с Джейми Гордоном, Винсентом Рико, Майклом Гордоном и Уэнди Гордоном.

А критически замечания, как всегда, исходили от Лоррен Гордон, как и мягкое убеждение, настойчивость и большая любовь, за которые я ей неизменно благодарен.

Эшфилд, штат Массачусетс,

26 декабря 1985 г.

Літературно-художнє видання

ГОРДОН Ной
Лікар. Учень Авіценни
Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *К. В. Шаповалова*
Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *А. В. Зуєва*

Підписано до друку 22.02.2018. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Minion». Ум. друк. арк. 42,84. Наклад 5000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, м. Харків, вул. Різдва, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

ГОРДОН Ной
Лекарь. Ученик Авиценны
Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *Е. В. Шаповалова*
Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *А. В. Зуева*

Подписано в печать 22.02.2018. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Minion». Усл. печ. л. 42,84. Тираж 5000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Уперше відчувши холодний подих смерті біля ліжка хворого, Роб зрозумів, що його призначення — виривати людські життя з її чіпких лап! Та що міг дати обдарованому юнакові волоцюга лікар, до якого він пішов в учні? Вітер мандрів привів Роба до дівчини, яка полонила його серце... Однак обов'язок кличе його в далекий Ісфаган, де сам перський шах розчахне для нього двері медичної академії. Його дар — сильніший за смерть, його наставник — Авиценна, та сам він живе лише надією на зустріч із коханою...

Гордон Н.

Г68 Лекарь. Ученик Авиценны / Ной Гордон ; пер. с англ. и предисл. В. Полякова ; худож. А. Печенежский. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018. — 816 с. : ил.

ISBN 978-617-12-4529-7

ISBN 978-0-7515-0389-0 (англ.)

Впервые почувствовав ледяное дыхание смерти у постели больного, Роб понял, что его призвание — вырывать человеческие жизни из цепких лап! Но что мог дать одаренному юноше бродяга лекарь, к которому он пошел в ученики? Ветер странствий привел Роба к девушке, завладевшей его сердцем... Однако долг зовет его в далекий Исфаган, где сам персидский шах откроет для него двери медицинской академии. Его дар — сильнее смерти, его наставник — Авиценна, но сам он живет лишь надеждой на встречу с любимой...